

ЧУЖОЕ

НАСЛЕДСТВО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Чужое наследство

«Автор»

2026

Ефимова О.

Чужое наследство / О. Ефимова — «Автор», 2026

Анна Берестова — скромная смотрительница краеведческого музея в маленьком провинциальном городе. Её жизнь — это тишина, забота о больной матери и привычная рутина. Но однажды всё меняется: она получает письмо из столичной нотариальной конторы. Её биологический отец, о существовании которого она никогда не знала, оставил ей старинный особняк в центре Петербурга с семью комнатами и семью старинными ключами. Но есть условие: она должна открыть все семь замков в течение месяца, иначе дом перейдёт в благотворительный фонд. В день приезда Анна сталкивается с Глебом Коршуновым — дерзким частным детективом, который расследует дело о пропаже антикварных часов из Эрмитажа. Он уверен, что отец Анны был причастен к краже, и следит за домом. Глеб предлагает сделку: он помогает Анне разобраться с замками и наследием, а она даёт ему доступ в дом. Анна соглашается, потому что в первую же ночь в её комнате происходит пожар — кто-то явно хочет помешать ей открыть двери. Кто на самом деле убил её отца?

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Смотрительница	7
Глава 2. Письмо	10
Глава 3. Решение	13
Глава 4. Особняк на Фонтанке	16
Глава 5. Первая ночь	19
Глава 6. Знакомство с соседями	22
Глава 7. Первая атака	25
Глава 8. Детектив	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ольга Ефимова

Чужое наследство

Пролог

Он знал, что это будет последняя ночь.

Особняк на Фонтанке стоял тёмный и безмолвный, как старый страж, хранящий чужие тайны. Сентябрьский ветер шумел в кронах лип за оградой, и редкие капли дождя стучали по стеклу, словно кто-то невидимый стучался извне, умоляя впустить его. Павел Корсаков сидел в своём кабинете — той самой комнате, которая позже станет первой в списке наследства, — и перебирал бумаги. Его пальцы, привыкшие к пистолету и перу, дрожали, когда он складывал письма в конверт и запечатывал их сургучом.

На столе лежали семь ключей. Массивных, старых, с головками в виде лилий — по числу лепестков у каждого цветка. Он взял их в руки, ощутил холод металла и вдруг улыбнулся горькой улыбкой человека, который знает, что завтра его не станет.

— Семь замков, — прошептал он в пустоту. — Семь тайн. Семь шагов к правде.

Он слышал шаги за дверью — тихие, крадущиеся. Они приближались. Громов прислал своих людей, и они ждали внизу, в холле, затаившись в темноте, как хищники, почуявшие добычу. Павел знал, что это конец. Он не успеет закончить расследование, не успеет увидеть, как растёт его дочь, которую он никогда не держал на руках. Но он успеет спрятать правду.

Он встал, подошёл к стене и нажал на незаметный выступ в лепнине. Каменная панель бесшумно отошла в сторону, открывая узкую нишу. Он положил туда конверты, фотографии, плёнку и папку, которую собирал годами. А затем — семь ключей. Всё, что должно было найти свою хозяйку.

— Анна, — сказал он, обращаясь к портрету, который висел на стене, где была нарисована маленькая девочка — его дочь, которую он видел лишь однажды, несколько часов после её рождения. — Прости меня. Я не смог быть рядом. Но я оставляю тебе дом. И в нём — всё, что я не успел тебе сказать.

Он закрыл нишу, нажал на выступ, и стена снова стала гладкой. Затем он взял лист бумаги и написал завещание — короткое, без лишних слов, но с одним условием: «Открыть семь замков в течение тридцати дней, иначе особняк перейдёт в благотворительный фонд». Он знал, что если Громов и его люди найдут бумаги, они уничтожат их. Но если дом перейдёт к Анне, у неё будет время. Единственное, что он мог ей дать, — время.

За дверью послышался грохот. Дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появился Громов — в форме, с холодной улыбкой и пистолетом в руке.

— Всё, Павел, — сказал он. — Игра окончена. Отдай то, что нашёл.

Павел медленно обернулся, и в его глазах не было страха. Только усталость и облегчение.

— Ты не найдёшь их, Иван, — сказал он спокойно. — Они уже в надёжных руках.

Громов усмехнулся и нажал на курок. Выстрел прозвучал глухо, и Павел упал на пол, глядя в потолок, где лепнина изображала семь лилий. Он улыбнулся, потому что знал: правда не умрёт вместе с ним. Она ждёт свою дочь.

Анна Берестова проснулась с криком. Сон был ярким и пугающим: она стояла перед дубовой дверью, на которой висели семь замков, и кто-то звал её по имени. Она села на кровати, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, и поняла, что не может дышать. За окном Верхнеозерска всё ещё была ночь — серая, тихая, беззвёздная. Она перевела дыхание и закрыла глаза, но сон не отпускаял.

— Ты мне снишься, — прошептала она в темноту. — Но я не знаю, кто ты.

Она не знала, что через несколько дней ей придёт письмо, которое перевернёт её жизнь. Не знала, что в кармане её плаща скоро окажутся семь ключей, каждый из которых откроет дверь в прошлое. И не знала, что за ней будут охотиться те же тени, которые убили её отца.

Но где-то в глубине души, в той части, где рождаются предчувствия, она уже знала, что тишина её жизни кончилась.

Петербург ждал её. Особняк на Фонтанке ждал её. И семь замков терпеливо ждали своих ключей.

Тридцать дней. Семь комнат. Одна, правда.

Глава 1. Смотрительница

Верхнеозерск просыпался в половине восьмого утра, когда первый трамвай с протяжным дребезгом проезжал по улице Ленина, разгоняя сонную тишину провинциального города. Город был маленьким, серым, с облупившимися фасадами дореволюционных особняков и вечным запахом сырости, который тянулся от реки Озёрной, лениво изгибавшейся между двумя холмами. Здесь не случалось ничего важного, и люди привыкли жить размеренно, не ожидая от жизни сюрпризов. Новости здесь были старыми, сплетни — пережёванными, а надежды — отложенными на завтра, которое никогда не наступало.

Анна Берестова любила этот порядок. Она выросла в Верхнеозерске, закончила местное культпросветучилище, устроилась смотрителем в краеведческий музей и вот уже одиннадцать лет протирала пыль с чучел лесных зверей и раскладывала по полочкам коллекцию купеческих самоваров. Музей располагался в старом особняке, который когда-то принадлежал семье Строгановых, но теперь его посещали только школьники на экскурсиях да редкие туристы, забредшие случайно по пути в более крупные города. Анна знала каждый уголок, каждый скрип половицы, каждую трещину на лепнине. Это была её маленькая вселенная, безопасная и предсказуемая, где ничего не случалось, и это её устраивало.

Утро в музее начиналось с запаха мастики и воска. Анна приходила за час до открытия, чтобы успеть протереть стеклянные витрины, проверить, не осела ли пыль на медвежьей шкуре, и пересчитать экспонаты по описи. Она делала это с механической точностью, почти не глядя, потому что знала каждый предмет наизусть: вот чучело рыси с выцветшими глазами, которое стояло здесь ещё при её предшественнице. И вот коллекция старинных утюгов, которыми гордился музей; вот альбом с фотографиями купеческих семейств, где каждое лицо казалось ей знакомым, хотя она никогда не видела этих людей живыми.

Её напарница, пожилая Зинаида Петровна, сидела в каморке и вязала носки, изредка поглядывая на посетителей, которых почти не было. Зинаида Петровна работала в музее сорок лет и знала все городские сплетни, все тайны и все скелеты в шкафах, но предпочитала молчать о них, потому что в провинции молчание — лучшая валюта. Она была грузной, с седыми волосами, собранными в тугую пучок, и вечно недовольным выражением лица, которое, впрочем, не отражало её доброго сердца.

— Анна, — окликнула её Зинаида Петровна, когда Анна протирала витрину с коллекцией монет, — ты сегодня какая-то задумчивая. Случилось что?

Анна вздрогнула и обернулась. Она действительно была не в себе. Всю ночь ей снился странный сон — она стояла перед огромной дубовой дверью с семью замками, и кто-то звал её по имени. Голос был низким, мужским, но она не могла его узнать. Она проснулась в холодном поту и долго ворочалась, вспоминая детали, но сон ускользал, как вода сквозь пальцы. Теперь, в музее, это наваждение преследовало её, и она чувствовала, что привычная тишина жизни начинает трещать по швам.

— Всё нормально, Зинаида Петровна, — ответила Анна, стараясь улыбнуться. — Просто не выспалась. Кошмар приснился.

— Кошмар? — Зинаида Петровна отложила вязанье и посмотрела на неё с неподдельным интересом. — Какой такой кошмар? Ты у нас девушка спокойная, с тебя и кошмаров-то не бывает.

— Не знаю, — ответила Анна, отворачиваясь. — Какой-то старый дом. Дверь с замками. И голос... Мужской голос. Я не видела лица, но слышала, как он зовёт меня.

Зинаида Петровна нахмурилась, и в её глазах мелькнуло что-то странное — не то испуг, не то узнавание, будто она знала, о чём говорит Анна, но боялась сказать.

— Сны — это не просто так, — сказала она задумчиво. — Особенно такие сны. Они что-то значат, Анна. Ты бы прислушалась к ним.

— К чему прислушиваться? — усмехнулась Анна. — Это просто сон. Не больше.

Зинаида Петровна покачала головой, но промолчала, снова взявшись за вязанье. Анна вернулась к витрине, но мысли её были далеко. Она думала о матери, которая снова кашляла ночью, о счетах за коммунальные услуги, которые росли с каждым месяцем. И о том, что жизнь её — это бесконечная череда одинаковых дней, из которых нет выхода.

Она подошла к окну и посмотрела на улицу. Дождь моросил, превращая асфальт в чёрное зеркало. Прохожие спешили, укрываясь под зонтами, и никто не обращал внимания на неё. И вдруг она заметила, что на противоположной стороне улицы, у старого фонаря, стоит мужчина. Он не прятался от дождя, не спешил, просто стоял и смотрел на музей. Анна не могла разглядеть его лица, но чувствовала его взгляд — пристальный, настойчивый, будто он ждал чего-то.

Она отшатнулась от окна, и сердце её забилось быстрее. Кто это? Почему он смотрит на неё? Она хотела сказать Зинаиде Петровне, но, когда снова выглянула, мужчины уже не было. Только пустая улица, мокрый асфальт и серое небо.

— Показалось, — сказала она себе. — Просто показалось.

Но чувство тревоги не отпускало её до самого вечера.

После работы Анна закрыла музей, попрощалась с Зинаидой Петровной и пошла домой. Дорога была привычной: мимо старого парка, где по вечерам гуляли подростки, мимо рынка, где уже сворачивали свои ларьки торговцы, мимо серых пятиэтажек, в одной из которых она жила. Она шла медленно, не торопясь, потому что дома её ждала только тишина и больная мать.

Коммуналка, в которой они жили, была старой, с облупившейся краской и вечным запахом кошачьей мочи. У них была всего одна комната, разделённая шкафом на две половины: в одной спала Анна, в другой — мать. Кухня была общей, и Анна старалась готовить, когда соседей не было дома, чтобы не сталкиваться с их вечными претензиями.

Когда она вошла, мать сидела на кухне, закутанная в пуховый платок, и пила корвалол. Её руки дрожали, и чашка позвякивала о блюде, выдавая напряжение. Анна поставила сумку на пол и подошла к ней, чувствуя, как в груди разливается привычная тревога.

— Мама, ты опять не спала? — спросила она, садясь напротив.

— Не спала, — ответила Екатерина Ивановна глухо, не поднимая глаз. — Думала. Всё думала о том, как жить дальше. Денег нет, лекарства дорогие, а ты вся в работе, и никто не приходит на помощь.

— Мама, я здесь, — мягко сказала Анна. — Я не оставлю тебя. Мы справимся.

— Справимся? — мать усмехнулась, и в этой усмешке было столько горечи, что у Анны сжалось сердце. — Ты не знаешь, что такое "справиться", Анна. Ты не знаешь, что такое настоящие проблемы. Ты живёшь в своей скорлупе, ничего не видишь, ничего не знаешь.

Анна хотела возразить, но сдержалась. Она привыкла к этим разговорам, привыкла, что мать постоянно жалуется и винит её во всех бедах. Она молча встала, поставила чайник и начала готовить ужин. Мать смотрела на неё, и в её взгляде была странная смесь любви и сожаления.

— Анна, — сказала она вдруг тихо, — ты никогда не спрашивала о своём отце.

Анна замерла. Это была тема, которую они никогда не обсуждали. Мать всегда уходила от ответа, и Анна привыкла думать, что её отец был случайным человеком, который не захотел нести ответственность.

— А что о нём спрашивать? — сказала она, не оборачиваясь. — Он ушёл, когда мне было полгода. Он не хотел нас знать.

— Это не так, — сказала мать, и голос её дрогнул. — Он хотел. Он очень хотел. Но он не мог.

Анна обернулась и посмотрела на мать. В её глазах стояли слёзы, и это было так не похоже на обычную суровую женщину, что Анна растерялась.

— Почему не мог? — спросила она.

Мать долго молчала, затем тяжело вздохнула.

— Он был не простым человеком, Анна. Он работал на спецслужбы. У него была опасная работа, и он боялся, что его враги найдут нас. Он попросил меня уехать и спрятаться. И я уехала. Я взяла тебя и уехала. Я оставила его одного.

Анна почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она всегда считала, что отец бросил их, что он был никчёмным человеком. Но теперь она видела, что это было не так.

— Почему ты не сказала мне раньше? — спросила она, и голос её дрожал.

— Потому что я боялась, — сказала мать, вытирая слёзы. — Я боялась, что его враги найдут тебя. Я хотела защитить тебя.

Анна села напротив матери, взяла её руки в свои и посмотрела в глаза.

— Как его звали? — спросила она.

Мать покачала головой.

— Не сейчас, Анна. Не сейчас. Когда-нибудь, может быть, я расскажу тебе. Но не сегодня.

Анна хотела настаивать, но увидела, как мать побледнела, и поняла, что та не готова говорить об этом. Она отпустила её руки и встала.

— Хорошо, — сказала она. — Когда будешь готова.

Она пошла на кухню, чтобы доварить суп, и всю дорогу чувствовала на себе взгляд матери — тяжёлый, полный боли и страха. И она поняла, что в прошлом её матери есть тайна, которая может изменить всё.

Ночью Анна снова видела сон. Она стояла в холле старого особняка, где пахло пылью и ладаном, и смотрела на лестницу, ведущую на второй этаж. Кто-то стоял там, в темноте, и смотрел на неё. Она хотела спросить, кто он, но голос не слушался. Тогда она сделала шаг вперёд, и вдруг пол под ней провалился, и она полетела вниз, в бесконечную темноту.

Она проснулась с криком и села на кровати, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. За окном всё ещё была ночь, и в комнате было тихо, только мать похрапывала за стеной. Анна перевела дыхание и провела ладонью по лицу, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

— Что это? — прошептала она в темноту. — Почему мне снятся эти сны?

Она не знала ответа. Но где-то в глубине души, в той части, где рождаются предчувствия, она уже знала, что тишина её жизни кончилась.

Она встала, подошла к окну и посмотрела в ночь. Улица была пуста, только фонари тускло освещали мокрый асфальт. И вдруг она заметила силуэт — тот же самый, что и днём у музея. Мужчина стоял под фонарём и смотрел в её окно. Анна отшатнулась, прижимаясь к стене, и сердце её забилось так сильно, что она боялась, что он услышит.

Когда она снова выглянула, мужчины уже не было.

Она простояла так до самого утра, и когда забрезжил рассвет, она поняла, что за ней следят. Но кто и зачем — она не знала.

Утром она собралась на работу, но, выходя из дома, заметила на пороге маленький конверт. Он был жёлтым, с сургучной печатью, на которой был оттиск — семь лепестков, сложенных в цветок. Анна взяла его, и в груди разлился холод.

Она открыла его дрожащими пальцами и прочитала одно единственное слово, написанное каллиграфическим почерком: «Наследие».

Она не знала, что это значит, но чувствовала, что это начало чего-то нового.

Глава 2. Письмо

Верхнеозерск встретил Анну привычной серостью. Дождь, который начался ещё ночью, к утру не прекратился, а лишь усилился, превратив улицы в зеркальные полосы мокрого асфальта. Анна шла на работу, накинув капюшон старого плаща, и чувствовала, как мелкие капли оседают на лице, смешиваясь с утренней сонной тяжестью. Она почти не спала — опять снился тот странный дом, опять голос звал её по имени, и она просыпалась в холодном поту, не в силах вспомнить лица говорившего.

Музей встретил её запахом мастики и тишиной. Зинаида Петровна уже сидела в своей каморке, перебирая старые журналы, и, увидев Анну, покачала головой:

— Опять не спалось? Глаза красные, как у кролика.

— Снилось что-то, — уклонилась Анна, вешая плащ на крючок. — Неважно.

— Сны — это послания, — наставительно сказала Зинаида Петровна. — Я тебе говорила. Ты бы прислушалась.

Анна отмахнулась и принялась за привычные дела: протёрла витрины, проверила, не отсырели ли этикетки, пересчитала монеты в коллекции. Работа успокаивала, возвращала ощущение обыденности, которое так необходимо было ей сейчас. Но внутри, где-то в глубине, всё ещё звучал тот голос, и она не могла от него избавиться.

Около одиннадцати, когда в музее не было ни одного посетителя, раздался звонок — не обычный телефонный, а дверной, резкий и требовательный. Анна выглянула в холл и увидела курьера: мужчину в синей форменной куртке, с мокрым от дождя козырьком и планшетом в руках. Он держал плотный конверт, перетянутый бечёвкой.

— Анна Петровна Берестова? — спросил он, заглядывая в планшет.

— Я, — ответила Анна, чувствуя, как сердце ёкает от неясного предчувствия.

— Вам письмо. Распишитесь.

Она поставила неразборчивую подпись, взяла конверт, и курьер тут же исчез за дверью, оставив после себя запах сырости и табака. Анна вернулась в кабинет, села за стол и, не понимая почему, долго смотрела на конверт. Он был жёлтым, плотным, с сургучной печатью, на которой был оттиск — семь лепестков, сложенных в цветок. Она не знала этого знака, но он показался ей странно знакомым.

Зинаида Петровна, заметив её замешательство, подошла ближе.

— Ну что там? — спросила она, заглядывая через плечо. — Из столицы, что ли? Обратный адрес — Питер.

Анна разорвала конверт и вытащила содержимое. Это было официальное письмо, напечатанное на гербовой бумаге, с множеством печатей и подписей. Она начала читать, и с каждым словом её лицо бледнело, руки начинали дрожать, а мир вокруг переставал существовать.

«Уважаемая Анна Петровна Берестова!

Настоящим уведомляем вас, что вы являетесь единственной наследницей Павла Сергеевича Корсакова, умершего 15 сентября 2004 года. Наследственное имущество включает в себя объект культурного наследия регионального значения — особняк, расположенный по адресу: город Санкт-Петербург, набережная Фонтанки, дом 27, литер А. Вам также передаются семь ключей от входной двери особняка. Наследодатель завещал вам право собственности на указанное имущество при условии, что в течение тридцати дней с момента вступления в наследство вы откроете семь замков, каждый из которых запирает отдельную комнату в доме. В случае невыполнения данного условия особняк переходит в собственность благотворительного фонда «Наследие».

Документы, подтверждающие ваше право на наследство, прилагаются. Для получения ключей и заверения документов вам необходимо в течение четырнадцати дней посетить нашу

контору по адресу: Санкт-Петербург, Большая Морская, дом 12, кабинет 7. В противном случае ваше право будет считаться утраченным».

Внизу стояла подпись нотариуса и круглая печать нотариальной конторы «Северная Пальмира».

Анна дочитала и подняла глаза на Зинаиду Петровну, которая с тревогой смотрела на неё.

— Что там? — переспросила Зинаида Петровна. — Анна, ты блее мела. Что случилось?

— Мне оставили наследство, — сказала Анна, и голос её был чужим, не своим. — Дом в Петербурге. Какой-то Павел Корсаков.

Зинаида Петровна ойкнула и прижала руку к груди. В её глазах мелькнул неподдельный страх — не удивление, а именно страх, будто она услышала имя, которое надеялась никогда не вспоминать.

— Корсаков? — переспросила она, и голос её дрогнул. — Павел Корсаков? Ты уверена?

— Да, — сказала Анна, показывая ей письмо. — Ты знаешь его?

Зинаида Петровна колебалась минуту, затем тяжело вздохнула и опустилась на стул.

— Знаю, — сказала она глухо. — Точнее, знала. Я работала в Эрмитаже много лет назад, до того, как переехала сюда. Павел Корсаков был известным экспертом по старинным часам. Но он исчез. Все думали, что он сбежал с украденными экспонатами.

— Моя мать сказала, что он был агентом, — тихо сказала Анна. — Он не был вором.

Зинаида Петровна покачала головой.

— Об этом ходили слухи, — призналась она. — Но никто не знал правды. Теперь я понимаю, почему ты всё время смотрела на портрет купца Строганова в зале — у вас с Павлом удивительное сходство. Я думала, мне кажется. Но, видно, не кажется.

Анна почувствовала, как в груди разрастается холод. Она никогда не знала отца, но теперь он словно заговорил с ней через это письмо, через этот дом, через эти семь замков.

— Я должна съездить в Петербург, — сказала она, и слова прозвучали не как вопрос, а как утверждение.

— Ты должна подумать, — ответила Зинаида Петровна. — Если этот дом связан с тем делом, то он опасен. Полиция всё ещё ищет те часы. И тот, кто их украл, может быть жив.

— Мой отец не был вором, — повторила Анна с внезапной твёрдостью. — И я докажу это.

Она отпросилась с работы и побежала домой, сжимая конверт в руках так, что бумага помялась.

Дома мать сидела на кухне и пила чай. Увидев лицо Анны, она побледнела, но промолчала. Анна положила письмо перед ней и сказала только одно слово:

— Прочитай.

Мать прочитала. Её руки дрожали, когда она переворачивала страницы. Она смотрела на печать, на имя, на условие с семью замками, и её лицо становилось старше с каждой секундой.

— Нет, — сказала она, наконец. — Не смей ехать. Сожги это письмо и забудь.

— Ты знала, что он оставил мне дом? — спросила Анна, и голос её дрожал от гнева и боли. — Ты знала всё это время и молчала?

Мать закрыла лицо руками и зарыдала — глухо, безнадежно, как плачут женщины, которые несли свой груз слишком долго.

— Я боялась, — простонала она. — Я боялась, что его враги найдут тебя. Павел был агентом, он внедрялся в банду, которая торговала искусством. Он сказал, что если я останусь, они убьют нас обоих. Я убежала, когда тебе было полгода, и ни разу не оглянулась. Я думала, что спасла тебя.

— Но ты не спасла, — сказала Анна, и голос её дрогнул. — Ты просто отложила опасность. Он оставил мне ключи, и я должна их использовать.

— Не ездь, Анна, — прошептала мать. — Пожалуйста. Я не переживу, если с тобой что-то случится.

Анна села напротив матери, взяла её руки в свои и посмотрела в глаза.

— Мама, — сказала она тихо, но твёрдо, — я тридцать пять лет жила в неведении. Я думала, что мой отец бросил нас, что он был никчёмным человеком. А он был героем. И он оставил мне не просто дом, а правду. Я должна её узнать.

Мать долго молчала, глядя на неё сквозь слёзы. Затем она медленно встала, подошла к старому шифоньеру и достала маленькую шкатулку. На крышке были вырезаны те же семь лепестков, что и на печати.

— Он оставил это для тебя, — сказала она. — Сказал, что если я когда-нибудь решу рассказать правду, я должна отдать тебе это. Я не открывала. Боялась.

Анна взяла шкатулку в руки. Она была лёгкой, но внутри что-то лежало — металлическое, холодное. Она открыла крышку и увидела семь ключей — таких же, как на печати, и сложенный лист бумаги. Она развернула его и прочитала:

«Дочь моя, Анна.

Если ты читаешь это, значит, я уже не могу сказать тебе всё лично. Я знал, что ты найдёшь этот дом, потому что я оставил для тебя подсказки. Я хочу, чтобы ты знала правду о том, кем я был. Я не был идеальным отцом, но я любил тебя больше всего на свете. Я оставил тебе не только дом, но и ключи к разгадке, которая может изменить всё. Семь комнат, семь тайн. Открой их, и ты узнаешь, кто убил меня.

Но будь осторожна, дочь. Враг сидит в полиции, и он не остановится ни перед чем. Ты должна быть сильнее меня. Ты должна быть сильнее их.

Я люблю тебя. Прощай.

Твой отец, Павел Корсаков».

Анна прочитала письмо до конца и почувствовала, как слёзы застилают глаза. Она никогда не знала отца, но его слова звучали в её душе, как голос, который она всегда ждала.

Она взяла ключи и сжала их в ладони. Они были холодными, но в этом холоде она чувствовала тепло, как будто отец был рядом, охраняя её.

— Я поеду, — сказала она, и голос её был твёрже, чем когда-либо.

Мать, глядя на неё, вдруг улыбнулась сквозь слёзы.

— Ты вся в него, — сказала она. — Такой же упрямая. Делай, что должна.

Анна кивнула и поднялась.

— Я ещё не решила, когда, — сказала она. — Но я решу.

Она убрала письма и ключи в шкатулку, поставила её на полку и долго смотрела на неё, чувствуя, как внутри неё разгорается пламя.

Глава 3. Решение

Анна простояла у окна до самого рассвета, сжимая в руках жёлтый конверт, который нашла на пороге. Она не решилась открыть его ночью — почему-то ей казалось, что если она прочитает то, что внутри, обратного пути уже не будет. Но когда первые лучи сентябрьского солнца пробились сквозь тучи, освещая мокрую улицу, она поняла: больше нельзя откладывать.

Она села на край кровати, дрожащими пальцами вскрыла конверт и вытащила содержимое. Внутри была сложенная в несколько раз бумага — не официальный документ, а личное письмо, написанное от руки знакомым каллиграфическим почерком, тем самым, что она уже видела на письме из шкатулки. Это был почерк её отца.

Анна развернула лист и начала читать, чувствуя, как сердце замирает в груди:

«Анна, дочь моя.

Если ты держишь это письмо в руках, значит, ты уже получила моё первое послание — официальное, через нотариуса. Ты знаешь о доме, о ключах, о семи замках. Но я должен предупредить тебя: это лишь верхушка айсберга. Дом на Фонтанке — не просто наследство, это моя последняя ставка в игре, которую я вёл много лет. В каждой комнате я оставил часть правды, но чтобы собрать её воедино, тебе придётся рискнуть всем.

Я знаю, что твоя мать напугана. Я знаю, что она просила тебя не ехать. Но ты не похожа на неё. Ты — моя кровь, и в тебе есть та же упрямая жилка, которая гнала меня в самое пекло. Если ты читаешь это, значит, ты уже задумалась о том, чтобы принять вызов. Не сомневайся. Делай, что должна.

Но помни: ты не одна. Там, в Петербурге, есть люди, которые помогут тебе, и есть те, кто будет мешать. Доверяй своему чутью. Если тебе станет страшно — вспомни, что я всегда рядом, даже если ты меня не видишь.

Я люблю тебя. Твой отец, Павел Корсаков».

Анна перечитала письмо трижды, и каждый раз слова отца звучали в её душе всё отчётливее, будто он стоял рядом и говорил с ней. Она сжала лист в руках и почувствовала, как внутри неё поднимается волна решимости, смешанная со страхом. Она знала, что должна ехать. Она не могла остаться в Верхнеозерске, притворяясь, что ничего не случилось.

Она встала, подошла к шкафу и достала старый чемодан, который пылился на антресолях. Начала собирать вещи — немного, только самое необходимое: смена белья, тёплая кофта, аптечка. Она не знала, сколько продлится её поездка, но чувствовала, что это не будет короткой прогулкой.

Мать проснулась от шума и выглянула из своей комнаты. Увидев чемодан, она побледнела и прижала руку к груди.

— Анна, что ты делаешь? — спросила она, и голос её дрожал.

— Я еду, мама, — сказала Анна, не оборачиваясь. — Я не могу больше ждать.

— Я просила тебя не ехать, — сказала мать, и в её голосе послышались слёзы. — Я умоляла тебя.

Анна обернулась и посмотрела на мать. В её глазах была боль, но в них же была и решимость, которую она никогда не видела в себе раньше.

— Мама, я должна это сделать, — сказала она мягко. — Ради отца. Ради нас обеих. Если я не поеду, я никогда не узнаю правду. И я никогда не смогу жить спокойно.

Мать долго молчала, глядя на неё, затем медленно подошла, обняла её и прошептала:

— Ты так похожа на него. Упрямая, смелая. Я всегда знала, что этот день наступит. Я просто не хотела в это верить.

— Я вернусь, — сказала Анна, обнимая мать в ответ. — Я обещаю.

— Будь осторожна, — сказала мать, вытирая слёзы. — В Петербурге тебя могут ждать не только ответы, но и опасность. Твой отец был прав: его враги живы. И они могут узнать о тебе.

— Я справлюсь, — сказала Анна, хотя в глубине души она не была до конца уверена.

Она собрала чемодан, положила в него шкатулку с ключами, письма отца и телефон. На прощание она поцеловала мать в щёку и вышла из дома, не оглядываясь.

На вокзале Верхнеозерска было пусто и сыро. Анна купила билет на поезд до Петербурга и села на деревянную скамью, ожидая отправления. Она смотрела на перрон, на редких пассажиров, которые сновали туда-сюда, и чувствовала, как привычный мир уходит от неё.

— Девушка, вы в Питер? — раздался рядом голос.

Анна подняла глаза и увидела пожилого мужчину в потёртом пальто, с добрыми, но колючими глазами. Он держал в руках старый фибровый чемодан и улыбался беззубой улыбкой.

— Да, — ответила она настороженно.

— Я тоже, — сказал он, садясь рядом. — Хороший город, Питер. Я там родился, а теперь в гости к дочери еду. А вы по делам?

— По делам, — коротко ответила Анна, не желая вступать в разговор.

— Дела-дела, — вздохнул мужчина. — Все мы по делам. А только, знаете, в Питере люди странные. Замкнутые, каждый сам по себе. Вы там осторожнее будьте.

Анна удивлённо посмотрела на него, но он уже встал, поправил пальто и направился к своему вагону. Она проводила его взглядом и вдруг заметила, что на перроне, чуть поодаль, стоит мужчина в чёрной куртке и смотрит прямо на неё. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами и холодными глазами. Он не двигался, просто стоял и смотрел, и Анна почувствовала, как по спине пробегает холод.

Она быстро отвернулась, надеясь, что он не заметил её. Но когда она снова взглянула в ту сторону, мужчина исчез.

Сердце её колотилось где-то в горле. Она вспомнила о том, что мать говорила про врагов отца, и поняла, что в Петербурге её действительно может ждать опасность. Но было уже поздно отступить.

Поезд подошёл к перрону, и Анна села в свой вагон. Она выбрала место у окна, чтобы видеть, что происходит снаружи. Когда состав тронулся, она смотрела на удаляющийся Верхнеозерск, на серые дома, которые таяли в дождевой дымке. И чувствовала, как прошлая жизнь остаётся позади.

Где-то на полпути, когда за окном потянулись бесконечные поля и леса, Анна заснула. Ей снова приснился тот же сон — она стояла в особняке, смотрела на лестницу, и кто-то звал её по имени. Но теперь она слышала имя отца — Павел. Она проснулась от того, что кто-то тронул её за плечо.

— Ваша остановка, — сказал проводник. — Мы подъезжаем к Москве.

Анна вскочила, чувствуя, как сердце колотится. Она не поняла, почему проводник её разбудил — она ехала до Петербурга. Но, посмотрев в окно, она увидела, что поезд стоит на каком-то полустанке, и за окном темно.

— Извините, — сказала она, — я не выхожу.

— Тогда не спите так крепко, — ответил проводник и пошёл дальше.

Анна обвела взглядом вагон. Пассажиров было мало, и все они казались погружёнными в свои дела. Но вдруг она заметила, что на соседнем сиденье, через проход, сидит тот самый мужчина в чёрной куртке. Он смотрел на неё в упор, и в его глазах была такая же холодная настороженность, как и на вокзале.

Анна замерла. Он следовал за ней. Но кто он и зачем?

Она хотела спросить его, но в этот момент поезд тронулся, и мужчина отвернулся к окну, как будто ничего не произошло. Анна сидела, не в силах пошевелиться, и чувствовала, как страх сковывает её.

Она решила, что не будет обращать на него внимания, и всю оставшуюся дорогу смотрела в окно, стараясь не оборачиваться.

Когда поезд прибыл в Петербург, Анна вышла на перрон и почувствовала, как город обрушивается на неё шумом, суетой и холодным ветром с Невы. Она взяла чемодан и направилась к выходу, но на ступенях вокзала увидела того же мужчину. Он стоял у колонны и смотрел на неё, но на этот раз он улыбнулся — странной, почти злой улыбкой, которая не предвещала ничего хорошего.

Анна ускорила шаг и, не оглядываясь, пошла в сторону такси. Она села в машину и назвала адрес: набережная Фонтанки, дом 27.

Таксист, пожилой мужчина с усами, удивлённо посмотрел на неё.

— Вы уверены, девушка? — спросил он. — Этот дом считается заброшенным уже много лет. Там никто не живёт.

— Я уверена, — сказала Анна, чувствуя, как её голос дрожит. — Мне нужно туда.

Таксист пожал плечами и тронулся. Анна всю дорогу смотрела в окно, ища в толпе тот чёрный силуэт, но его не было. Она выдохнула с облегчением, когда такси остановилось у нужного адреса.

Она вышла на набережную и замерла. Особняк стоял перед ней — старый, мрачный, с облупившимся фасадом и заколоченными окнами. Он выглядел заброшенным, но Анна чувствовала, что он ждал её. Она подошла к дубовой двери, достала из сумки шкатулку и вынула ключи.

Семь ключей, семь замков.

Она вставила первый ключ в скважину и повернула. Замок щёлкнул. Второй, третий, четвёртый... Каждый поворот отдавался эхом в пустом холле, как будто дом дышал в ответ.

Когда седьмой ключ вошёл, в центральный замок и Анна повернула его, дверь медленно открылась с протяжным скрипом. За ней было темно, и пахло пылью, ладаном и старыми книгами.

Анна сделала шаг вперёд и переступила порог. Дверь за ней закрылась сама собой, и она услышала, как замок снова щёлкнул, запирая её внутри.

Глава 4. Особняк на Фонтанке

Анна стояла в холле, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Дверь за ней закрылась с глухим стуком, и замок снова щёлкнул, отрезая путь к выходу. Она сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться, и огляделась. Свет из приоткрытой двери, через которую она вошла, проникал в холл, но его было недостаточно, чтобы разглядеть все детали. Она достала из сумки маленький фонарик, который взяла на всякий случай, и включила его. Свет вырвал из темноты лепной потолок, высокие колонны, старую лестницу, уходящую на второй этаж, и массивные шкафы вдоль стен. В воздухе пахло пылью, ладаном и чем-то сладковатым, как от старых духов.

— Есть кто-нибудь? — спросила она, и голос её прозвучал неестественно громко в этой тишине.

Никто не ответил. Только где-то наверху скрипнула половица, но это мог быть просто старый дом, который оседал и дышал своей вековой жизнью. Анна перевела дыхание и сделала шаг вперёд. Пол под её ногами был выложен узорным паркетом, на котором были видны следы времени — потёртости, царапины, пятна. Она прошла в центр холла и подняла голову, рассматривая лепнину. На потолке был изображён сложный орнамент из лилий — тех же самых, что были на ключах. Семь лепестков, семь цветков, расположенных по кругу. Анна почувствовала, как по спине пробегает холод. Здесь всё было связано с семёркой.

Она подошла к лестнице и провела рукой по чугунным перилам. Металл был холодным и шероховатым, но в этом холоде чувствовалась какая-то странная энергия, будто перила хранили тепло рук, которые касались их много лет назад. Анна поднялась на несколько ступеней, но затем остановилась. Шаги, которые она слышала, стихли. Может быть, ей показалось? Или это было эхо её собственных шагов?

Она решила не подниматься на второй этаж сразу, а сначала осмотреть холл. Вдоль стен стояли высокие книжные шкафы, забитые старыми книгами в кожаных переплётах. Анна подошла к одному из них, провела пальцем по корешкам, и на её пальце осталась пыль. Она вытащила одну книгу — это был старый том по истории Петербурга, изданный ещё в начале двадцатого века. Она открыла его и увидела на титульном листе экслибрис с тем же символом — семью лепестками. Значит, книги принадлежали отцу. Или его семье.

Она положила книгу на место и продолжила осмотр. В углу стоял старый граммофон с медным раструбом, рядом валялась стопка пластинок в картонных конвертах. Анна подошла к нему, подняла одну из пластинок и увидела надпись: «Голос памяти. Запись отца». Её сердце забилось быстрее. Она хотела поставить пластинку, но рядом не было патефона, да и электричества в доме не было. Она убрала пластинку в сумку — это была первая находка.

В углу холла стоял старый комод, инкрустированный перламутром. Анна открыла его верхний ящик и увидела связку старых писем, перевязанных бечёвкой. Она взяла их, чувствуя, как бумага шелестит под пальцами, и прочитала адрес на конверте: «Павлу Корсакову, набережная Фонтанки, дом 27». Это были письма отцу. Она убрала их в сумку — потом разберётся.

Внезапно на втором этаже снова раздался звук — на этот раз более отчётливый, похожий на то, как кто-то осторожно ступает по половицам. Анна замерла и прислушалась. Шаги были лёгкими, почти бесшумными, но она была уверена, что слышит их. Кто-то был в доме. Она сжала в руке фонарик и тихо сказала:

— Я знаю, что вы здесь. Выходите.

Тишина. Шаги прекратились. Анна почувствовала, как по спине пробегает холодок. Она сделала шаг назад, к выходу, но дверь была заперта, а ключей у неё больше не было — все семь лежали в сумке, и она не хотела тратить время на то, чтобы открывать замки снова. Она поняла, что должна действовать осторожно.

Она решила подняться на второй этаж. В конце концов, если кто-то хотел ей навредить, он бы уже напал. Возможно, это был просто другой жилец или даже сосед, который зашёл проверить, что происходит в старом доме. Анна медленно поднялась по лестнице, стараясь ступать бесшумно, но половицы скрипели под её ногами, выдавая её присутствие.

На втором этаже было темно, как в подвале. Окна были заколочены досками, и только слабый свет просачивался сквозь щели. Анна включила фонарик и направила его вперёд. Луч выхватил из темноты длинный коридор, с обеих сторон которого были двери. Она насчитала их семь — по числу замков. На каждой двери была бронзовая табличка с номером, но таблички были старыми, потускневшими, и некоторые из них были почти стёрты. Анна подошла к первой двери. На ней красовалась табличка с цифрой «1». Она взялась за ручку и попробовала повернуть её — дверь не поддавалась. Замок был закрыт.

Она достала из сумки ключи и начала перебирать их. У неё было семь ключей, и они выглядели одинаково, но на каждом был выгравирован номер. Первый ключ подходил к первой двери. Анна вставила его в скважину и повернула. Замок щёлкнул, и дверь открылась с лёгким скрипом.

Она заглянула внутрь. Это была маленькая комната, похожая на кабинет. В центре стоял письменный стол, покрытый слоем пыли, на стене висела старая карта Петербурга, а на столе лежала раскрытая папка с бумагами. Анна шагнула через порог, и в этот момент за её спиной раздался звук — кто-то закрыл дверь.

Она резко обернулась, но дверь была закрыта, и в комнате никого не было. Её сердце забилось быстрее. Она попыталась открыть дверь, но ручка не поворачивалась — замок снова защёлкнулся, и у неё не было ключа, чтобы открыть его изнутри. Она оказалась запертой в первой комнате.

— Эй! — крикнула она, стуча в дверь. — Кто здесь? Откройте!

Тишина. Только где-то вдалеке послышался смех — тихий, почти беззвучный, но отчётливый. Анна замерла, прислушиваясь. Это был женский смех, и он доносился из коридора. Она снова постучала, но никто не ответил.

Она поняла, что должна найти другой выход. Осмотрела комнату. Кроме стола и карты, в комнате был шкаф, забитый старыми папками, и небольшое окно, выходящее во двор. Окно было заколочено изнутри, но доски были старыми и подгнившими. Анна подошла к нему, попыталась отодвинуть их, но они держались крепко. Тогда она взяла стул и с силой ударила по доскам. Те подались, и через несколько ударов она смогла оторвать их и открыть окно. Холодный ветер ворвался в комнату, принося запах реки и сырости.

Она выглянула наружу. Во дворе было темно, но она заметила на земле следы — кто-то недавно ходил здесь. Она решила, что попытается выбраться через окно, но вдруг услышала, как дверь в коридоре снова открывается. Кто-то вошёл в комнату, и Анна обернулась, готовая защищаться.

На пороге стояла женщина — пожилая, с седыми волосами, собранными в пучок, и добрыми, но настороженными глазами. Она была одета в старое платье и вязаный жакет, и в руках держала ключи.

— Не бойтесь, — сказала она, и голос её был мягким и успокаивающим. — Я не хочу причинить вам вред. Я — Мария Семёновна, я живу здесь, наверху, в мансарде. Я услышала шум и решила проверить. Вы, наверное, та самая наследница?

Анна выдохнула с облегчением, хотя сердце всё ещё колотилось.

— Да, — сказала она. — Я Анна. Анна Берестова. Мне оставили этот дом в наследство.

— Я знаю, — сказала Мария Семёновна, и в её глазах мелькнула грусть. — Я ждала вас. Павел Сергеевич много рассказывал о своей дочери. Пойдёмте, я покажу вам дом.

Анна последовала за ней. Они вышли в коридор, и Мария Семёновна закрыла дверь первой комнаты, но ключ она оставила в замке.

— Вы же ещё не открыли остальные комнаты? — спросила она.

— Нет, — ответила Анна. — Я только что приехала.

— Тогда не открывайте их сегодня, — сказала Мария Семёновна. — Ночь уже близка, а в этом доме ночью происходят странные вещи. Завтра утром я покажу вам всё. А сейчас пойдёте, я провожу вас в комнату для гостей.

Анна хотела возразить, но она была уставшей после долгой дороги и согласилась. Мария Семёновна провела её по длинному коридору, мимо остальных дверей, и остановилась у лестницы, ведущей на третий этаж.

— Там есть небольшая комната, где вы можете переночевать, — сказала она. — Она пустует, но там чисто. Я постелю вам постель.

Анна благодарно кивнула, и они поднялись на третий этаж. Комната оказалась маленькой, но уютной: узкая кровать, деревянный стол, старый комод и небольшое окно, выходящее во двор. Мария Семёновна зажгла керосиновую лампу, и комната наполнилась мягким жёлтым светом.

— Здесь нет электричества, — сказала она. — Но лампа есть. Завтра я покажу вам всё. Отдыхайте.

Она вышла, закрыв за собой дверь, и Анна осталась одна. Она села на кровать, чувствуя, как усталость наваливается на неё. Она достала из сумки письма, которые нашла, и начала читать. Это были письма отца к её матери — тёплые, нежные, полные любви и сожаления о том, что он не может быть с ними. Она читала их, и слёзы текли по её щекам. Она поняла, что её отец был не просто агентом, но человеком, который любил свою семью.

Она убрала письма и легла на кровать, глядя в потолок. За окном было темно, и ветер шумел в ветвях старых лип. Она закрыла глаза и почувствовала, как сон подступает к ней. Но в тот момент, когда она начала засыпать, она услышала скрип половиц на втором этаже. Шаги были лёгкими, осторожными, как у того, кто крадётся в темноте. Она открыла глаза и прислушалась. Шаги остановились прямо под её комнатой, а затем затихли.

Анна поняла, что в этом доме кто-то есть, и этот кто-то не хочет, чтобы она спала спокойно.

Глава 5. Первая ночь

Анна стояла у двери, прислушиваясь к шагам в коридоре. Сердце колотилось так сильно, что она боялась: его стук разбудит весь дом. Тень на полу исчезла, и шаги начали удаляться — медленно, как будто тот, кто крался, не хотел показывать, что его заметили. Анна перевела дыхание и, дрожащими руками, повернула ключ в замке, запирая дверь изнутри. Затем отошла к кровати и села на край, пытаясь успокоиться.

В комнате было тихо, только ветер завывал за окном, и старые доски поскрипывали, оседая от времени. Анна посмотрела на керосиновую лампу, которая горела на столе, и её жёлтый свет казался единственным островком безопасности в этом тёмном, чужом доме. Она взяла лампу в руки и подошла к окну, выглядывая во двор. Там было темно, лишь редкие фонари освещали мокрые камни. Двор казался пустым, но Анна знала, что это обманчивое впечатление.

Она поставила лампу обратно и решила, что не будет спать. Слишком много всего произошло: письмо, дорога, этот дом, странная женщина на лестнице. И тот мужчина, который следил за ней на вокзале. Она не знала, кому можно доверять, и не хотела рисковать.

Она села на стул у стола и начала перебирать вещи из сумки. Письма, которые она нашла в холле, лежали перед ней. Она взяла первое и начала читать. Это было письмо отца, адресованное её матери:

«Катя, милая моя.

Я пишу это письмо ночью, когда ты уже спишь. Я не могу сказать тебе всё, что хочу, потому что боюсь, что наши разговоры могут быть услышаны. Но я хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя и нашу дочь больше жизни. Всё, что я делаю, я делаю ради вас. Если меня не станет, передай Анне этот дом. Пусть она найдёт здесь ответы. Я оставил их в комнатах. Но будьте осторожны: этот мир жесток, и враги повсюду. Я молюсь, чтобы вы были в безопасности. Твой Павел».

Анна перечитала письмо несколько раз, чувствуя, как слёзы застилают глаза. Она никогда не знала отца, но теперь, читая его слова, она чувствовала его присутствие, любовь, его страх за них. Она убрала письмо в сумку и взяла следующее.

Второе письмо было короче и более срочным:

«Катя, я должен предупредить тебя: кто-то из моих коллег предал меня. Я не знаю, кто, но я подозреваю, что это кто-то из моей команды. Если я исчезну, не ищи меня. Уезжай с Анной как можно дальше. Сожги все мои вещи, кроме ключей от дома. Они принадлежат Анне. Помни: враг может быть где угодно. Не доверяй никому».

Анна сжала письмо в руках. Предатель. Её отец знал, что его предали, и пытался предупредить мать. Но кто этот предатель? И связан ли он с тем, что произошло сегодня?

Она положила письма и решила, что утром поговорит с Марией Семёновной. Эта женщина знала отца и жила в этом доме. Возможно, она знает больше, чем говорит.

Внезапно в коридоре снова раздался звук. На этот раз это был не стук, а глухой удар, как будто что-то упало на пол. Анна затаила дыхание и прислушалась. Тишина. Затем ещё один удар, а затем — тихий, едва слышный смех. Женский смех, тот же самый, что она слышала в холле.

Она медленно встала и подошла к двери, прижимаясь ухом к дереву. Смех стих, но теперь она слышала, как кто-то напевает мелодию — старую, грустную песню, которую она никогда раньше не слышала. Голос был приятным, но в нём звучала тоска.

Анна не знала, что делать. Она хотела позвать Марию Семёновну, но боялась, что это привлечёт внимание того, кто там. Она решила подождать. Напев продолжался несколько минут, затем стих, и снова наступила тишина.

Она отошла от двери и вернулась к столу. Взяла керосиновую лампу и решила, что не будет сидеть, сложа руки. Она должна осмотреть комнату. Возможно, здесь есть что-то, что поможет ей понять, что происходит.

Она начала исследовать старый комод. Первый ящик был пуст, второй содержал старые газеты, пожелтевшие от времени. Третий ящик был заперт. Она попыталась открыть его, но он не поддавался. Тогда она достала из сумки маленькую отвёртку, которая всегда лежала у неё для экстренных случаев, и аккуратно взломала замок. Ящик открылся, и внутри лежала папка с документами.

Она вытащила папку и открыла её. Там были фотографии — старые, чёрно-белые, на которых были изображены люди в форме. Среди них она узнала своего отца. Он был молодым, с улыбкой, стоял рядом с другими мужчинами. На обороте одной из фотографий было написано: «Операция "Наследие", 1998 год». Анна перевернула другие фотографии и увидела мужчину, который был ей знаком. Это был Громов. Он стоял рядом с её отцом, улыбался, как старый друг.

Она почувствовала, как по спине пробегает холод. Громов был другом её отца, а затем стал его убийцей. Она поняла, что папка содержит доказательства их связи, но ей нужно больше информации.

Она убрала папку в сумку и решила, что продолжит осмотр утром. Усталость начала брать своё, и она поняла, что не сможет больше бороться со сном. Она легла на кровать, прикрыв глаза, и тут же провалилась в тяжёлый, тревожный сон.

Ей снились лабиринты. Она блуждала в тёмных коридорах, где на стенах висели портреты её отца, и каждый портрет смотрел на неё с укоризной. Она слышала голос, который звал её: «Анна, открой седьмую комнату». Она бежала, но коридоры бесконечно тянулись, и она не могла найти выход.

Она проснулась от резкого звука. Кто-то стучал в дверь. Она вскочила, сердце бешено колотилось. Стук был настойчивым, требовательным.

— Кто там? — спросила она, и голос её дрожал.

— Это я, Мария Семёновна, — послышался голос. — Вставайте, Анна Петровна. Утро настало.

Анна посмотрела в окно. За стеклом уже брезжил серый свет, и дождь перестал. Она встала, открыла дверь и увидела Марию Семёновну, стоящую на пороге с подносом в руках. На подносе стояли чайник, кружка и тарелка с хлебом.

— Я подумала, что вы проголодались, — сказала она с улыбкой. — Позавтракайте, а потом я покажу вам дом.

Анна благодарно кивнула и взяла поднос. Она села за стол, Мария Семёновна села напротив и, помешивая чай, сказала:

— Вы, наверное, не спали всю ночь? Я слышала, как вы ходили.

— Нет, спала, — ответила Анна, — но мне снились странные сны.

— Какие сны? — спросила Мария Семёновна, и её взгляд стал настороженным.

— Мне снились лабиринты, — сказала Анна. — И голос, который звал меня к седьмой комнате.

Мария Семёновна побледнела и отвела взгляд.

— Седьмая комната — это самая важная комната в этом доме, — сказала она тихо. — Павел Сергеевич всегда говорил, что там спрятано самое ценное. Но он предупреждал: не открывайте её, пока не будете готовы.

— Почему? — спросила Анна.

— Потому что, когда вы её откроете, вы увидите правду, — сказала Мария Семёновна. — А правда может быть опасной.

Она замолчала и посмотрела на Анну с такой серьёзностью, что у той по спине пробежал холодок.

— Я хочу увидеть правду, — сказала Анна. — Я хочу узнать, что случилось с моим отцом. Мария Семёновна кивнула, но её взгляд оставался тревожным.

— Тогда идите за мной, — сказала она. — Я покажу вам вторую комнату. Там есть то, что может помочь вам понять, кто убил Павла Сергеевича.

Анна встала и последовала за ней. Они вышли в коридор и направились к лестнице, ведущей на второй этаж. За ними снова слышались шаги — лёгкие, но настойчивые, и Анна поняла, что они не одни в этом доме.

Глава 6. Знакомство с соседями

Мария Семёновна вела Анну по длинному коридору второго этажа, и каждая половица под их ногами издавала жалобный скрип. Дом казался живым — он дышал, постанывал, переговаривался с ними на языке старого дерева и оседающей штукатурки. Анна чувствовала, как её шаги отдаются эхом в пустых комнатах, и в этом эхе ей слышались чьи-то голоса, которые говорили на непонятном языке.

— Здесь раньше жила семья купцов, — говорила Мария Семёновна, останавливаясь перед второй дверью. — Они построили этот дом в конце девятнадцатого века. А потом, после революции, здесь была коммуналка. Много людей жило. А потом дом опустел. Только ваш отец сохранил его.

Она вздохнула и провела рукой по косяку двери, как будто гладила старого друга.

— Павел Сергеевич купил его в девяностых, когда дом хотели снести. Он вложил все свои деньги в реставрацию. Говорил, что этот дом — его наследие, и он передаст его своей дочери.

Анна слушала, и в груди у неё щемило. Она никогда не знала отца, но теперь, слушая о нём от людей, которые его помнили, она чувствовала, как он становится реальным, живым, близким.

— Я живу здесь уже пятнадцать лет, — продолжала Мария Семёновна. — Павел Сергеевич позволил мне остаться, когда я осталась без жилья. Я ухаживала за домом, следила за порядком. Когда он исчез, я осталась, потому что он просил меня: "Мария, если меня не станет, береги дом. Моя дочь когда-нибудь придёт".

Анна почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Она сжала руку Марии Семёновны и тихо сказала:

— Спасибо, что вы здесь. Спасибо, что ждали меня.

— Я всегда знала, что вы придёте, — ответила Мария Семёновна, и в её глазах блеснули слёзы. — Павел Сергеевич говорил, что вы упрямая, как он. И он был прав.

Они подошли к второй двери. На ней была табличка с цифрой «2». Мария Семёновна достала из кармана старенький ключ и вставила его в замок.

— Я храню ключи от всех комнат, — сказала она. — Павел Сергеевич оставил их мне на случай, если вы придёте. Но первую комнату вы уже открыли сами. Теперь откроем вторую.

Она повернула ключ, и замок щёлкнул. Дверь медленно открылась, и Анна увидела спальню. Большую, светлую, с высокими окнами, выходящими на набережную. В центре стояла массивная кровать с балдахином из выцветшего бархата, рядом — туалетный столик с серебряными щётками и флаконами духов. На стенах висели портреты — старые, в массивных рамах, изображавшие людей в костюмах прошлого века.

— Это была спальня ваших родителей, — сказала Мария Семёновна, входя в комнату. — Здесь они жили, когда был маленьким. Ваша мать любила эту комнату.

Анна шагнула через порог и почувствовала, как воздух в комнате будто сгущается. Пахло старыми духами и пылью, и в этом запахе было что-то родное, почти знакомое. Она подошла к туалетному столику и провела пальцем по поверхности. На нём лежала старая фотография в серебряной рамке. Анна взяла её — на снимке была её мать, молодая и счастливая, она стояла рядом с отцом, и оба улыбались, глядя в камеру.

— Они любили друг друга, — тихо сказала Мария Семёновна. — Это было видно по тому, как они смотрели друг на друга. Когда ваша мать уехала, Павел Сергеевич долго не мог прийти в себя. Он всё надеялся, что она вернётся.

Анна поставила фотографию на место и осмотрелась. На стене висела старая картина — морской пейзаж, написанный маслом. Она подошла ближе и заметила, что за картиной что-то есть. Она отодвинула её и увидела небольшой сейф, вделанный в стену.

— А это что? — спросила она.

Мария Семёновна подошла и удивлённо покачала головой.

— Я не знала, что здесь есть сейф, — призналась она. — Павел Сергеевич никогда не говорил мне о нём.

Анна попыталась открыть его, но сейф был заперт. Она не знала кода, но чувствовала, что там может быть что-то важное.

— Завтра я попробую найти код, — сказала она. — Возможно, он где-то записан в бумагах.

Они вышли из спальни и направились вниз, в холл. Мария Семёновна повела Анну на кухню, где на старой плите уже кипел чайник, и на столе стояли тарелки с домашней выпечкой.

— Вы должны поесть, — сказала она. — У вас был трудный день.

Анна села за стол, и Мария Семёновна налила ей чаю. Они сидели в тишине, и Анна чувствовала, как тепло разливается по телу. Она была благодарна этой женщине за её заботу.

Вдруг за окном послышался шум — кто-то ходил по двору. Анна подошла к окну и увидела мужчину. Он был пожилым, с седыми волосами, в потёртом пальто, и шёл по дорожке, ведущей к дому. На поясе у него висела связка ключей, и он казался уверенным, как будто имел право находиться здесь.

— Кто это? — спросила Анна.

Мария Семёновна подошла к окну и, увидев мужчину, улыбнулась.

— Это Степан Иванович, — сказала она. — Он живёт в соседнем доме. Он был другом Павла Сергеевича, и он помогает мне по дому. Сейчас я позову его.

Она открыла дверь и вышла на крыльцо. Анна видела, как они разговаривают, как мужчина удивлённо поднимает брови и смотрит в сторону кухни. Затем Мария Семёновна помахала Анну жестом, и та вышла на крыльцо.

— Знакомьтесь, — сказала Мария Семёновна. — Это Степан Иванович. А это Анна, дочь Павла Сергеевича.

Степан Иванович был высоким, сутулым, с добрыми, но колючими глазами, которые внимательно разглядывали Анну. Он протянул руку, и Анна пожала её. Ладонь у него была сухой и шершавой, как у человека, который много работал руками.

— Анна Петровна, — сказал он, и голос его был хриплым, как будто он редко говорил. — Я много слышал о вас от Павла Сергеевича. Он часто говорил о своей дочери. Я рад, что вы приехали.

— Спасибо, — ответила Анна. — Я тоже рада познакомиться. Вы знали моего отца?

— Знал, — кивнул Степан Иванович. — Мы вместе работали. Я был его связным. Когда он вёл свои дела, я помогал ему с документами и связью. Я знаю, что произошло с ним. И я знаю, кто его убил.

Анна почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Кто? — спросила она. — Кто убил моего отца?

Степан Иванович оглянулся по сторонам, затем сделал шаг ближе и сказал тихо:

— Не здесь. Здесь небезопасно. Завтра утром я приду к вам, и мы поговорим. А сейчас — я должен идти. Меня могут заметить.

Он развернулся и быстро пошёл обратно, исчезая в сумраке двора. Анна стояла на крыльце и смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри неё разгорается надежда. У неё был союзник. Кто-то, кто знал правду.

Мария Семёновна положила руку на её плечо.

— Не всё так просто, Анна, — сказала она. — Степан Иванович хороший человек, но он боится. Все боятся. Те, кто убил Павла Сергеевича, всё ещё здесь. И они могут быть среди нас.

Анна обернулась и посмотрела на неё. В глазах Марии Семёновны была тревога, которая не исчезала.

— Я не боюсь, — сказала Анна. — Я должна узнать правду.

Они вернулись в дом, и Анна пошла в свою комнату. Она сидела у окна, глядя на темнеющий Петербург, и думала о том, что этот город, который она почти не знала, уже стал её судьбой. Она ещё не знала, какой путь ей предстоит пройти, но она знала, что теперь у неё есть цель.

Глава 7. Первая атака

Анна стояла у двери своей комнаты, сжимая в руке записку. Бумага была тонкой, пожелтевшей, словно её вырвали из старой тетради. Буквы были написаны торопливо, неровным почерком, словно тот, кто писал, очень спешил и боялся, что его застанут. Она перечитала слова ещё раз: *«Не доверяй Марии. Она не та, кем кажется. Уходи, пока можешь»*. Холод пробежал по спине, и Анна почувствовала, как сердце забилося быстрее.

Она подняла глаза на дверь, за которой всё ещё слышались шаги Марии Семёновны. Та ходила по кухне, гремела посудой, напевала что-то тихое и грустное. Анна не знала, что думать. Эта женщина была так добра к ней, так заботлива, так похожа на бабушку, которой у Анны никогда не было. Но записка говорила обратное. Может быть, это была провокация? Или Мария действительно скрывала что-то?

Она спрятала записку в карман и решила, что пока не будет показывать её Марии. Она должна сама разобраться, что происходит. Если кто-то хотел предупредить её, возможно, этот кто-то был тем, кому она могла доверять больше. Но кто это мог быть? Степан Иванович? Он сказал, что придёт завтра. Может быть, это он оставил записку, чтобы подготовить её? Или это был тот самый преследователь с вокзала?

Анна вышла из комнаты и направилась на кухню. Мария Семёновна сидела за столом и пила чай. Увидев Анну, она улыбнулась.

— Садись, милая, — сказала она, пододвигая стул. — Ты выглядишь уставшей. Выпей чаю.

Анна села, взяла кружку, но не пила. Она смотрела на Марию, пытаясь прочитать её лицо. В нём не было ничего подозрительного — только доброта и забота. Но Анна знала, что внешность обманчива. Она видела это в музее, когда люди приходили с улыбками, а за спиной носили камни.

— Мария Семёновна, — начала она осторожно, — вы знаете, кто мог оставить мне записку?

Мария удивлённо подняла брови.

— Записку? Какую записку?

Анна достала её из кармана и положила на стол. Мария взяла бумагу, прочитала, и её лицо побледнело.

— Откуда у вас это? — спросила она, и голос её дрогнул.

— Я нашла её под дверью своей комнаты, — сказала Анна. — Вы не знаете, кто мог её написать?

Мария долго молчала, глядя на записку, затем тяжело вздохнула.

— Я не знаю, Анна, — сказала она. — Но я знаю, что в этом доме есть люди, которые хотят вам навредить. Я не враг вам, поверьте. Я хочу помочь вам. Но в этом доме есть те, кто не хочет, чтобы вы нашли правду.

— Кто? — спросила Анна. — Кто эти люди?

— Я не знаю имён, — ответила Мария. — Но я знаю, что они следят за вами. Возможно, они уже в доме.

Она замолчала, и в этот момент за окном послышался шум — кто-то ходил по двору. Анна встала и подошла к окну. В темноте она увидела силуэт, который двигался вдоль забора. Он был высоким и широкоплечим, и в его руке что-то блестело — возможно, фонарик. Или нож.

— Мария, — сказала Анна, не оборачиваясь, — там кто-то есть.

Мария подошла к ней и, взглянув в окно, побледнела ещё сильнее.

— Это они, — прошептала она. — Они уже здесь. Нам нужно уйти.

Она схватила Анну за руку и потащила в глубь дома, к лестнице, ведущей на второй этаж. Они поднялись быстро, почти бегом, и Мария завела Анну в маленькую комнату, где стоял старый шкаф.

— Спрячьтесь здесь, — сказала она. — Я не дам им вас найти.

Анна хотела возразить, но Мария уже закрыла дверцы шкафа, оставив её в темноте. Анна слышала, как Мария вышла из комнаты и направилась к лестнице, а затем голоса — низкие, мужские, которые говорили с ней на повышенных тонах.

— Где она? — спрашивал один из них. — Мы знаем, что она здесь. Отдай её нам, и мы оставим тебя в покое.

— Я не знаю, о ком вы говорите, — отвечала Мария, и голос её был спокоен, но Анна чувствовала в нём напряжение. — Здесь никого нет. Уходите, пока я не позвала полицию.

— Полицию? — засмеялся другой голос. — Полиция не поможет тебе, старуха. Мы здесь, чтобы забрать то, что принадлежит нам.

Анна сидела в шкафу, затаив дыхание. Она слышала, как они обыскивают комнаты, как открываются и закрываются двери, как звучат их шаги всё ближе и ближе. Вдруг дверь в комнату, где она пряталась, распахнулась, и она услышала тяжёлые шаги. Кто-то подошёл к шкафу и дёрнул дверцу. Анна закрыла глаза, готовясь к худшему.

Но дверца не открылась — она была заперта снаружи. Анна поняла, что Мария заперла её, чтобы защитить. Человек дёрнул дверцу ещё раз, затем выругался и пошёл дальше.

Анна сидела в темноте, слыша, как шаги удаляются. Сердце её колотилось так сильно, что она боялась, что они услышат его. Она не знала, сколько прошло времени — может быть, минуты, а может быть, часы. Когда всё стихло, она услышала тихий голос Марии:

— Анна, выходите. Они ушли.

Анна открыла дверцу и увидела Марию, стоящую у порога. Её лицо было бледным, но она улыбалась.

— Всё хорошо, — сказала она. — Они ушли. Но они вернуться. Мы должны уехать отсюда.

— Куда? — спросила Анна, выходя из шкафа.

— Есть одно место, — сказала Мария. — Там мы будем в безопасности. Я отведу вас.

Она взяла Анну за руку и повела по тёмному коридору к задней лестнице, ведущей в подвал. Там они прошли через старый подземный ход, который вывел их в соседний дом, где они оказались в маленькой квартире, пахнувшей старыми книгами и пылью.

— Здесь мы будем в безопасности, — сказала Мария. — Этот дом принадлежит Степану Ивановичу. Он знает о ходе и всегда готов помочь.

Анна опустилась на стул и перевела дыхание. Она чувствовала, как дрожь отпускает её, и благодарность переполняет её сердце.

— Спасибо, Мария Семёновна, — сказала она. — Вы спасли меня.

— Я всегда буду защищать вас, Анна, — ответила Мария. — Это обещание, которое я дала вашему отцу.

Она взяла кружку с чаем и протянула её Анне. Анна взяла её, чувствуя, как тепло разливается по телу. Она знала, что эта ночь была только началом.

Глава 8. Детектив

Анна замерла на стуле, вцепившись пальцами в край стола. Сердце колотилось так громко, что казалось, его стук разносится по всей маленькой квартире. Мария Семёновна стояла у окна, вглядываясь в темноту, и её плечи были напряжены, как у кошки, готовой к прыжку. Шаги за дверью становились всё ближе — медленные, уверенные, без попыток скрыть своё присутствие. Кто-то шёл целенаправленно, зная, где они находятся.

— Кто это? — прошептала Анна, чувствуя, как холод пробегает по спине.

— Не знаю, — ответила Мария, и её голос дрогнул. — Но это не те, кто был в особняке. Те двигались иначе. А этот... этот знает, куда идёт.

Она отошла от окна, подошла к старому комоду и достала из него небольшой револьвер — старый, потёртый, но явно заряженный. Анна расширила глаза от удивления.

— Откуда у вас оружие? — спросила она.

— Павел Сергеевич просил меня хранить его на случай опасности, — ответила Мария, взводя курок. — Он говорил, что когда-нибудь оно может пригодиться. Видимо, этот день настал.

Она встала между Анной и дверью, и Анна увидела, как её руки, морщинистые и узловатые от возраста, сжимают рукоятку револьвера с удивительной твёрдостью. Эта женщина была готова защищать её, и Анна вдруг поняла, что недооценила её. Мария Семёновна была не просто доброй старушкой, которая ухаживала за домом. Она была стражем, хранителем тайн, которые её отец оставил после себя.

Шаги остановились прямо за дверью. Наступила тишина — такая густая, что Анна могла слышать собственное дыхание. Затем раздался стук — тихий, вежливый, три удара, как у человека, который умеет ждать и не хочет пугать тех, кто внутри.

— Мария Семёновна, — послышался голос — низкий, спокойный, без угрозы. — Я знаю, что вы здесь. Откройте, пожалуйста. Я не причиню вам вреда. Я хочу поговорить с Анной Петровной.

Мария переглянулась с Анной. В её взгляде был вопрос: отвечать или молчать? Анна колебалась лишь мгновение. Этот голос — она уже слышала его. На вокзале, когда кто-то следил за ней. В особняке, когда раздались шаги на лестнице. Это был тот самый мужчина в чёрной куртке, который преследовал её. Но в его голосе не было угрозы — только настойчивость и что-то похожее на усталость.

— Откройте, — сказала Анна, вставая. — Я хочу знать, кто он и что ему нужно.

— Анна, это может быть опасно, — предупредила Мария.

— Если бы он хотел мне навредить, он бы уже сделал это, — ответила Анна, стараясь, чтобы голос звучал увереннее, чем она чувствовала. — Откройте.

Мария неохотно опустила револьвер и, подойдя к двери, повернула ключ. Дверь медленно приоткрылась, и на пороге появился тот самый мужчина. Высокий, широкоплечий, с резкими чертами лица и серыми глазами, которые в полумраке казались почти белыми. На нём была та же чёрная кожаная куртка, потёртая на локтях, и узкие джинсы. Его тёмные волосы были растрёпаны, будто он давно не спал, а на правой руке, на пальце, виднелся старый шрам — белый и выпуклый, как нить.

Он стоял на пороге, держа руки слегка поднятыми, чтобы показать, что не вооружён. Его взгляд скользнул по Марии, задержался на револьвере, затем переместился на Анну. Он смотрел на неё с любопытством, смешанным с облегчением, как будто ждал этой встречи много лет.

— Анна Петровна, — сказал он, и его губы тронула лёгкая улыбка. — Я рад, что вы в безопасности.

— Кто вы? — спросила Анна, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Почему вы следите за мной?

Он сделал шаг вперёд, но Мария вскинула револьвер, преграждая ему путь.

— Стойте там, — сказала она ледяным тоном. — Отвечайте на вопросы, пока вас не подстрелили.

Мужчина поднял руки выше, показывая, что не собирается нарушать её границы.

— Меня зовут Глеб Коршунов, — сказал он, глядя Анне прямо в глаза. — Я частный детектив. Я расследую дело о краже антикварных часов из Эрмитажа, которые исчезли семь лет назад. Ваш отец был главным, подозреваемым в этом деле, и я уверен, что в этом доме есть улики, которые помогут мне найти настоящих преступников.

Анна смотрела на него, и в её голове кружились тысячи мыслей. Она уже слышала это имя — Глеб Коршунов. Мария упоминала его, когда говорила о друзьях отца. Но она не знала, что он детектив.

— Я знаю это дело, — сказала она. — Мой отец был агентом, а не вором.

— Да, — кивнул Глеб. — Я знаю это. Я знаю, что он работал на спецслужбы и пытался разоблачить сеть контрабандистов. Я знаю, что его убили. И я знаю, что в этом доме есть доказательства, которые могут уничтожить тех, кто это сделал.

— И вы хотите их найти, — сказала Анна.

— Мы хотим их найти, — поправил он. — Вместе. Я предлагаю вам сделку: я помогу вам открыть все семь комнат и найти правду о вашем отце, а вы дадите мне доступ к тем уликам, которые там спрятаны.

Анна молчала, обдумывая его слова. Он говорил убедительно, но она не могла доверять ему безоговорочно. Слишком много людей уже обманули её, слишком много тайн было вокруг.

— Откуда мне знать, что вы не тот, кто хочет мне навредить? — спросила она.

Глеб усмехнулся, и в этой усмешке было что-то горькое.

— Если бы я хотел вам навредить, я бы не стоял здесь и не разговаривал с вами. Я бы просто вошёл в дом и забрал то, что мне нужно. Но я не хочу так делать. Я хочу, чтобы правда восторжествовала. Ради вашего отца. И ради моего.

— Вашего? — переспросила Анна, удивлённо поднимая брови.

Глеб вздохнул, и в его глазах мелькнула боль, которую он тщательно скрывал.

— Мой отец тоже был агентом, — сказал он. — Он работал вместе с вашим отцом. Он был его напарником. И он тоже был убит. Я искал правду семь лет. И я думаю, что она здесь, в этом доме.

Анна смотрела на него, и в его глазах она увидела отражение своей собственной боли. Они оба были детьми, которые потеряли отцов, и оба пытались найти правду в этом враждебном мире.

— Хорошо, — сказала она, наконец. — Я согласна на сделку. Но если вы предадите меня, я найду способ остановить вас.

Глеб улыбнулся, и в этой улыбке было что-то тёплое, почти нежное.

— Я никогда не предаю тех, кто доверяет мне, Анна Петровна. Это плохо для репутации.

Он опустил руки, и Мария медленно опустила револьвер, хотя в её глазах всё ещё была настороженность.

— Вы знали, что он придёт? — спросила Анна у Марии.

— Нет, — ответила та, покачивая головой. — Но я знаю, что он был другом Павла Сергеевича. Я видела его в доме несколько раз, когда Павел Сергеевич был жив. Я не знала, что он стал детективом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.